

Тань Мо несколько раз осторожно дотронулся до Лу Иня, прежде чем тот позволил взять себя за руку.

В особняке круглый год работал климат-контроль, поддерживая вполне комфортную температуру, — тем разительнее был контраст между холодными пальцами Лу Иня и горячей ладонью Тань Мо.

Захватив руку, Тань Мо её не отпустил. Мягко потряс за запястье — совсем как в детстве — и тихо сказал:

— Я знаю, что был неправ.

Он и сам не мог точно сформулировать, в чём именно, — просто увидел покрасневшие глаза Лу Иня, и слова вырвались сами. С самого детства Тань Мо считал эти глаза самым красивым в нём: густые длинные ресницы, тёмные, как воронье крыло, делали взгляд глубоким, почти потусторонним.

Помедлив, Тань Мо потянулся и осторожно коснулся уголка его глаза.

Сам он был сложен на редкость внушительно — высокий, с резкими чертами лица, с первого взгляда производивший впечатление человека, лучше не связываться, — никакого «хорошего мальчика» в нём не угадывалось. Но рядом с Лу Инем он всегда становился на удивление послушным.

Лу Инь чуть отвернул голову, и пальцы Тань Мо скользнули по щеке — мимо. Кожа оказалась неожиданно мягкой. Острая, почти невыносимая боль в животе, терзавшая его всё это время, вдруг улеглась — словно от одного этого мимолётного прикосновения.

— Куда ты скажешь идти, — негромко произнёс Тань Мо, — туда и пойду. Обещаю.

Страх, сжимавший грудь, постепенно отпускал — под этим голосом, под этой теплотой. К Лу Иню понемногу возвращался рассудок. Он сам удивился собственной несдержанности. Встретив серьёзный взгляд Тань Мо, после долгой паузы сказал:

— Прости.

Слова были о прощении, но пальцы, сжимавшие запястье Тань Мо, не разжались ни на миллиметр. Впрочем, тому было не привыкать — плотная мускулистая рука почти не чувствовала давления.

— Тебе не за что извиняться, — растерянно ответил Тань Мо.

— Я должен был держать себя в руках. — Лу Инь прикрыл глаза ладонью. — Но я просто... испугался. Испугался, что ты заболеешь и исчезнешь. Ты, наверное, не понимаешь, что я имею в виду. Ладно, сначала нужно позвонить врачу.

Личный врач приехал быстро. Диагноз — острый гастрит, потребуется капельница. Оставив назначения и лекарства, доктор ушёл, не нарушая их уединения.

Лу Инь сидел рядом, пока Тань Мо лежал под капельницей. Таблетки уже успели подействовать, боль утихла, и больной выглядел бодро — никаких следов недавнего приступа. Убедившись, что с ним всё в порядке, Лу Инь принёс ноутбук и попытался поработать над университетским заданием, но мысли разбегались; не прошло и получаса, как он закрыл крышку.

Они включили кино. День выдался суматошный, и где-то на середине фильма Лу Иня накрыло дремотой — он не успел заметить, как провалился в сон, голова сама собой опустилась на плечо Тань Мо.

Тот почувствовал, как плечо потяжелело.

Дыхание Лу Иня было совсем рядом — ровное, глубокое. От него исходил едва уловимый аромат: что-то холодное и чистое, похожее на горный чай у снеговой линии. Тань Мо сидел не двигаясь, каждая мышца напряжена, — боялся потревожить.

Он убрал звук. Досмотрел немой фильм до середины, потерял нить и закрыл приложение.

Некоторое время бездумно листал что-то в телефоне. Потом опустил взгляд на Лу Иня.

С этого ракурса его лицо было видно целиком: бледное, точёное, без единого изъяна. Линия профиля — безупречная. Кости — будто от природы вылеплены под хороший портрет. На таком расстоянии разглядывать эти черты было почти неловко — как смотреть на что-то, что не предназначено для чужих глаз.

Тань Мо задержал взгляд на длинных ресницах — они чуть подрагивали — и медленно скользнул ниже, к тонкой шее.

Лу Инь был в широкой толстовке. Из-за того, как он привалился к плечу, ворот съехал набок и завис у самого плеча, открыв большой участок белой кожи — достаточно, чтобы случайный взгляд успел заметить лишнее.

Тань Мо не собирался смотреть намеренно. Просто скользнул взглядом — и увидел родинку.

Красную. Одну-единственную.

С детства, когда они ещё купались вместе, он знал: на коже Лу Иня почти не было родинок. Но эта — чуть ниже плеча, в нескольких сантиметрах — будто специально выбрала самое неподходящее место. Алая точка на белизне казалась нарочитой — как капля красного лака на фарфоре. Взгляд прилипал и не хотел уходить.

Что-то в зрачках Тань Мо потемнело.

Он смотрел — молча, неподвижно — дольше, чем следовало. Потом с усилием повернул голову, выдохнул сквозь зубы и заставил себя отвести взгляд.

Лу Инь проснулся быстро. До глубокой ночи он оставался рядом с Тань Мо, следил, чтобы тот выполнял предписания врача, и лёг лишь за полночь. Утренних пар не было, поэтому на следующий день он выехал в университет после обеда — отсидел занятия и собрался на лекцию Се Чи.

Перед выходом из аудитории его поймал Цзян Чжуй и ткнул телефоном в лицо — показал пост на университетском форуме.

На платформе был свой студенческий BBS. В разделе для слухов и сплетен топ-постом висел анонс с красными жирными заголовком: □Шок! Раскрываем тайны главного красавчика театрального факультета, о которых вы не знали□

Имя «красавчика» в посте не называлось, но кто имеется в виду — понимал каждый. Сун Ян учился на театральном, поступил в тот же год, что и Лу Инь, и давно был известен на весь кампус — отчасти благодаря шумной славе Цзян Бояня, в орбите которого он вращался. Негласный статус «главного красавчика» за ним закрепился ещё с первых недель учёбы.

Вчерашняя история с собачьим лаем уже расползлась по форуму: скриншоты, видео, комментарии. Сун Ян несколько раз задействовал связи, чтобы удалить посты, — только хуже сделал. Сегодня кто-то начал копать его родословную и в итоге выволок на свет всё, что тот так тщательно прятал.

Подобные истории о богатых семьях с гнильцой в сети не редкость, но когда речь идёт о знакомом — интерес удваивается. За несколько часов ветка собрала несколько сотен ответов и продолжала расти.

Лу Инь пробежал пост глазами. Сун Ян пожинал то, что сам посеял. Голоса в его защиту тонули в потоке комментариев, не успев прозвучать.

Закрыв страницу, он направился в конференц-зал.

Лекция уже почти начиналась. Лу Инь только подошёл к двери, как рядом поднялось движение — группа охранников в чёрном конвоировала одного человека по коридору; вокруг шла свита улыбающихся сотрудников.

Тот, кого они сопровождали, и был Се Чи.

Высокий — это первое, что бросалось в глаза даже сквозь плотное кольцо охраны. На нём был безупречно скроенный дымчато-серый костюм, но волосы — коротко стриженные, почти под машинку — придавали всему облику неожиданный налёт дерзости, слегка портя образ безупречного делового человека.

Вчера Цзян Боянь обмолвился, что они с Лу Инем похожи. Отступив в сторону, Лу Инь незаметно разглядывал Се Чи, пока тот проходил мимо. Может, ему показалось, но в тот момент, когда их взгляды на секунду пересеклись, Се Чи чуть сбился с шага — и только потом вошёл в зал.

Лу Инь занял место в первом ряду.

Тема лекции пересекалась с проектами его компании, и он слушал внимательно, по ходу занося заметки в телефон. Краем внимания всё же замечал, что взгляд Се Чи время от времени подолгу задерживается на нём.

Опустив глаза в телефон, Лу Инь убрал с лица недоумение. Пересечений между ними до сегодняшнего дня не было никаких.

Когда лекция закончилась и зал начал пустеть, он остался на месте. Ждал недолго: к нему подошли и передали, что Се Чи хотел бы поговорить приватно.

Несмотря на вопросы, Лу Инь последовал за сопровождающим в комнату отдыха. Войдя, он застал хозяина за бокалом красного вина. Увидев гостя, Се Чи поставил бокал, коротко махнул рукой — ассистент вышел.

Дверь закрылась.

— Садитесь, — сказал Се Чи.

Лу Инь опустился в кресло напротив. Их разделял столик шириной чуть больше полуметра. Се Чи, закинув ногу на ногу, разглядывал его — без той собранности, что была на кафедре, — расслабленно, почти лениво.

— Господин Се, — прервал его взгляд Лу Инь. — Вы хотели меня видеть?

Обращение Се Чи явно не пришлось по вкусу. Он неспешно покрутил бокал и наконец позволил себе мягкую улыбку:

— Если не возражаешь — в неофициальной обстановке я бы предпочёл, чтобы ты называл меня дядя Се.

Лу Инь молча вскинул взгляд.

— Что, Тань Сыли не предупредил? — удивился тот.

Тань Сыли — отец Тань Мо, глава огромного холдинга «Таньши», человек вечно в разъездах. С момента перерождения Лу Инь видел его только в новостях.

Он покачал головой.

Се Чи негромко хмыкнул:

— Вот же безалаберный тип.

И объяснил сам:

— Он позвонил несколько дней назад, попросил приглядеть за тобой. Узнал, что я сейчас задержусь в Цинхэ, — говорит, судьба. Если возникнут вопросы или нужна будет помощь, звони мне напрямую.

Он вытащил визитку и пустил её по столу.

— Личный номер.

Лу Инь взял обеими руками:

— Спасибо.

Се Чи приподнял бровь:

— И?

—... Дядя Се.

«Шэнчи» в последние годы активно входил в сектор интернет-технологий, напрямую пересекаясь с направлениями «Луань». Лу Инь как раз ломал голову над тем, как в кратчайшие сроки масштабировать компанию, — поддержка Се Чи могла оказаться именно тем рычагом, которого не хватало.

Убедившись, что визитка принята, Се Чи сменил тон:

— Слышал, у тебя своя компания. Не против рассказать, что планируешь делать дальше?

— Конечно.

За предыдущую жизнь у Лу Иня накопилось немало собственных взглядов на отрасль. Полчаса пролетели незаметно. Се Чи уходил — его ждал важный ужин, — но у дверей всё же обернулся:

— Ты мне нравишься. Надеюсь, у нас будет повод поработать вместе.

— Это честь для меня. — Лу Инь проводил его до выхода.

Вернувшись домой, он приготовил лёгкий ужин — в соответствии со вчерашними предписаниями врача. Тань Мо уже второй день на капельницах, самочувствие заметно улучшилось, но Лу Инь всё равно не успокоился, пока не убедился лично, что таблетки выпиты. После этого отправился к себе.

Сон не шёл. Он ворочался в темноте, в тишине прислушиваясь к собственным мыслям, — и вдруг уловил, как дверь комнаты тихо открылась снаружи.

Лу Инь немедленно открыл глаза. Приглушённые шаги приближались к кровати. Темнота была привычной, и в ней он разглядел силуэт — высокий, плечистый, безошибочно узнаваемый.

Тань Мо.

Тот несколько секунд молча смотрел на него сверху вниз. Лу Инь хриловато произнёс его имя.

— Ты не спал? — Тань Мо сам слегка вздрогнул от неожиданности.

Лу Инь потянулся к прикроватной лампе, включил её и сел, прислонившись к спинке кровати.

— Зачем ты посреди ночи в моей комнате?

— Не спится. — Тань Мо опустился на край постели. — «Я очень боюсь, что ты заболеешь и исчезнешь» — это ты сам сказал. Я не понимаю, что это значит. У меня был просто желудок, а ты почему заплакал?

— Я не плакал.

Тань Мо смотрел с выражением человека, которому можно объяснять что угодно и сколько угодно — всё равно он уже решил, что было именно так. Уходить он явно не собирался.

Инстинкт его не подвёл. Вчерашний срыв Лу Иня был неслучаен — за ним стояло то, о чём он не был готов говорить. Тань Мо несколько раз спросил — не добился ответа — и вдруг резко сменил курс:

— Не против, если я сегодня останусь здесь?

Лу Инь нахмурился:

— Я гей.

Тань Мо уже откидывал угол одеяла — совершенно будничным движением. Лу Иню ничего не осталось, как подвинуться, нехотя уступая половину кровати.

— Хочу ещё раз уточнить: мне нравятся мужчины.

Тань Мо покосился на него:

— Это я слышал. Но ты же сам считаешь меня... не таким, как все остальные мужчины. Или мне тоже нельзя?

Лу Инь помолчал, глядя на него.

Расстояние между ними на этой кровати стало совсем небольшим. Достаточно небольшим, чтобы уловить тонкий запах — кедра с чем-то свежим. Тот самый гель для душа, который Лу Инь сам и выбрал для него.

— Можно, — сказал он наконец. — Ложись.